

Не до церемоний

Яшви Садхир

До покоев принца Яшви шла уже одна, и, хотя идти было недалеко, она чувствовала себя так, будто ей в спину нацелены чуть ли не копья. И все же не сорвалась в испуганный бег, что было бы совсем смешно. Она не могла показывать свой страх и свое волнение, не среди кобр, которые только и ждут от нее какой-нибудь слабости. Яшви жалела, что не могла сейчас поговорить с Алахчит, остроумные комментарии которой подняли бы ей настроение - события в клане кобр касались только клана кобр, и она не могла выносить их за порог. Происшествие с наложницами бросило бы нехорошую тень на его Величество, а Яшви этого не хотела.

Дверь за собой она захлопнула с видимым облегчением. Уже завтра это комната станет и ее тоже комнатой. И хотя здесь все было плохо знакомым, Яшви не чувствовала опасности, хотя здесь тоже был и балкон и незапертые окна. В прошлый раз здесь на подоконнике лежала Ли Цзинчжао, но эта книга давно вернулась в библиотеку. Яшви присела за чайный столик и потерла лицо ладонями. Как может быть так, что еще только утро, а она уже устала, словно не спала всю ночь?

Она боялась, что ночью ей не дадут спать. Что увидит отца и брата, а, может быть, даже мать. Яшви почему-то знала, что шаль не поможет, что они все равно будут к ней приходить, но она была не готова к этому. Она не хотела видеть их, несмотря болезненную привязанность и постоянное желание получить их одобрение, несмотря на то, что лошадь уже давно сдохла, Яшви все еще была обижена, словно маленький ребенок, обида которой всякий раз серьезна и навсегда. Она должна была сама их отпустить, в первую очередь, но она держала их этой обидой. Это было сильнее ее.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн сходил к его Величеству, чтобы рассказать о поездке в Риван, узнать о расследовании и договориться о том, что церемония будет перенесена на завтра и состоится в любом случае. Он спешил вернуться к Яшви, которую не хотелось оставлять одну. Сонгцэн вернулся в свои покои при первой возможности, зная, что девушка уже там. Он все ещё был в пропахшей гарью военной форме, только снял доспех, который должны были привести в порядок ученики. Сонгцэн зашёл в комнату и закрыл дверь на замок.

- Свадьба будет завтра, - сказал он. - Сейчас все будут делать вид, что все в порядке.

Кобры не будут выносить сор из избы. Пленника допросят и казнят вечером, а завтра начнутся три дня праздника, во время которых никто не будет вспоминать нападение на Риван, Калу, отравленного ученика и лисицу на балконе будущей принцессы. Сонгцэн понимал, что так нужно для клана, но чувствовал, что для Яшви это будет непростым испытанием.

Сонгцэн расстегнул китель, было душно, несмотря на открытое окно. Все, что было в Риван, осталось в его памяти неприятным горьким осадком, похожим на копоть, запах которой преследовал его всю дорогу до клана и оставался с ним сейчас.

Яшви Садхир

Яшви знала, что если заплакать - станет чуточку легче, но она не знала, когда именно вернется Сонгцэн от его Величества, сколько времени у него займет доклад о том, что случилось в Риване, и не привыкла разводить сырость при ком-либо. Даже если бы она сейчас захотела - не выдавила бы из себя ни слезинки. Она, конечно, не считала, что увидев ее слезы, Сонгцэн грубо ее оборвет, скажет, чтобы успокоилась и привела себя в порядок, потому что у него нет настроения выслушивать ее истерики, но ей самой было некомфортно от демонстрации этой слабости.

- Если только делать вид, - устало согласилась она от стола, когда Сонгцэн, наконец, наверное спустя целую вечность как показалось Яшви, вернулся. - Пир во время чумы.

Ей было противно от того, что придется притворяться перед многочисленными гостями, что все хорошо, что она так рада, так рада выйти замуж за принца клана Королевских Кобр, что прямо ждет не дождется, когда это свершится. А на душе скребли даже не кошки - тигры. Это было ощущение сродни тому, когда трогаешь ногой нечто отвратительно мерзкое, склизкое, смердящее и исходящее неприятной жижой что-то, через что тебе нужно переступить. Сейчас именно так она воспринимала резиденцию Кобр. Отсюда хотелось уехать. Яшви не чувствовала, что это место когда-нибудь может стать ей домом.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн сел возле Яшви и прижался плечом к ее плечу. Ей было плохо, а он не знал, что ей говорить, чтобы было легче. Кала добила своего, она превратила день свадьбы в настоящий кошмар, хоть и поплатилась за это жизнью.

- Я вижу, что тебе плохо, - сказал Сонгцэн. - И не знаю, что могу сделать сейчас, чтобы тебе стало легче.

Яшви не могла отречься от семьи, которая отказалась от неё. И Сонгцэн чувствовал, что она не услышит, если он будет пытаться объяснить ей, что эти люди были недостойны такого ее к ним отношения. Они отвечали за неё, а не она за них. Они не защищали ее, вместо этого вбили себе в голову, что она - бокши и причина их бед, хотя истинной причиной этих бед была полная безответственность и неумение управлять собственной жизнью. Сонгцэн не испытывал никаких тёплых чувств в отношении родни Яшви из Ривана. Но понимал, что она чувствовала иначе.

Кроме того, Сонгцэн понимал, что если бы Калу выслали из клана сразу после инцидента с Вороном, все могло быть иначе. И он был зол на деда, который поступил по-своему.

Яшви Садхир

Сейчас уже ничего нельзя было сделать. Делать нужно было тогда, когда Кала еще только начала делать первые шаги к той черте, за которую не должна была наступать. Не месяц назад, не два, и не полгода, а в тот момент, когда она впервые нашла под своей дверью, еще когда жила не в гостевых покоях, а скромной комнатке в женском крыле, дохлого ужа. Но ни тогда, ни позже не сделали ничего, или всего этого можно было избежать. Но что толку. Перекладывала ли она вину за смерть отца и брата на Калу? Яшви не знала, но, наверное, больше да, чем нет, потому что человеку всегда нужно найти виноватого.

- Отцу было совсем плохо, когда я приезжала, тогда, - сказала Яшви. - Он ведь даже моложе твоих родителей, а у меня было впечатление, что я вижу древнего старика. Но я не думала, что все будет... вот так.

Где-то в глубине души она надеялась, что когда-нибудь, со временем, все наладится, ее отец признает, что был неправ, она простит его, и все будет хорошо. Немного наивно. Конечно, отец был болен, его болезнь становилась все сильнее, и с мыслью, что он тоже когда-нибудь умрет, можно уже было смириться за это время. Но это все равно больно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Если бы не нападение, если бы отца Яшви не отшвырнули разбойники, если бы не нервы, все могло быть не совсем так. Но Сонгцэн не подумал бы, что отец Яшви младше его родителей, он был похож на больного старика.

- Мои родители знают врачевание, никогда не голодали и всю жизнь тренируются, чтобы быть в форме, - сказал Сонгцэн.

Но при этом они не рожали детей десятками, не выживали в нищете и могли по большей части жить той жизнью, которая им нравилась. Его Величество тоже не дожил бы до своего возраста, будучи гончаром в Риване.

- Я сначала злюсь на твою семью за то, как они поступили с тобой, но потом понимаю, что твои родители жили не в том мире, к которому привык я, - сказал Сонгцэн. - Они все равно поступили несправедливо. Но я не могу их судить.

Их уже не было среди живых, его злость ничего не меняла. У Яшви не было других родителей, не было другого дома, где она росла. И он мог только принять это, чтобы понять то, что она сейчас чувствовала.

Яшви Садхир

Яшви промолчала. Ее родители никогда не знали о врачевании, им приходилось выживать впроголодь, и тренировки, чтобы быть в форме, заменял тяжелый быт и постоянный выматывающий труд. Который отнюдь не добавлял здоровья, а наоборот, пожирал его год за годом, так что к своим тридцати мать стала старухой, а отец, пусть и был старше матери, превратился в развалину. Яшви иногда начинало казаться, что их с принцем миры слишком разные, чтобы они могли понять друг друга. Как она не знала, что такое жить в любви и роскоши, так он не имел ни малейшего представления, что такое бороться с нищетой, голодом и ощущением ненужности.

- Я хочу думать, что они поступили так, потому что у них не было другого выбора, - обида обидой, но здравый смысл все равно был сильнее. Они не могли прокормить такое количество детей, и были вынуждены от кого-то избавиться. Ну и потому, что она была бокши. - И теперь никогда не узнаю, какие мотивы у них были на самом деле. Может, к лучшему. Не хочу знать.

Пусть лучше она остается в счастливом неведении и представляет нечто более эфемерное и радужное, чем узнает неприглядную и суровую реальность, которая ударит ее с размаху, как брошенный сильной рукой камень. Может быть, она тогда сможет их наконец-то простить, и они уйдут. Пожалуйста, пусть они просто уйдут навсегда, и все.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн считал, что у родителей Яшви выбор был, хоть и не очевидный для них. Они отреклись от дочери, которую в деревне считали бокши. И не просто отослали ее из дома, дав хоть какой-то шанс выжить самой, а повели продавать на рынок, где Сонгцэн оказался по невероятной случайности. После чего отец и мачеха Яшви продали ещё и Джию. И не приняли старшую дочь, когда она дважды к ним приходила. Не спросили, чем она живет, не просили прощения, лишь гнали прочь, как будто Яшви могла принести им проблемы. Сонгцэн считал, что начини он объяснять Яшви, что думал по поводу их поступков, он будет вынужден не согласиться с той картиной мира, которую девушка представляла, чтобы ей было проще оставить прошлое в прошлом.

- Я надеюсь, что они оставят тебя в покое, - сказал Сонгцэн. - А ты с завтрашнего дня будешь Яшви Садхир. С той судьбой, которая зависит от тебя, а не от них.

Сонгцэн считал, что их свадьба не ограничивала возможности Яшви жить той жизнью, к которой она стремилась. Она могла учиться, развивать магические способности, помогать Лисам как шаманка и как воин и покидать пределы клана, когда сочтёт это нужным. При этом у неё будет намного больше денег и влияния, чем было бы останься она в Риване.

Яшви Садхир

Яшви казалось, что от нее ничего не зависит. Что все ее решения, принимаемые ею на протяжении этого года были predetermined кем-то заранее, а она, как щепка в горной реке, болтается туда-сюда согласно этой высшей, непостижимой воле и смиренно ждет, что там дальше будет за поворотами. И любые попытки грести самостоятельно против течения заканчиваются абсолютно ничем - ее снова окунает с головой в бушующие воды, а потом выбрасывает наверх, давая возможность сделать очередной глоток воздуха - чтобы не забывала, где ее место.

Она сомневалась, что они так просто ее оставят. У нее даже возникла мысль, пока еще слабая и неоформленная, снова поехать в Риван, чтобы...да она не знала, зачем. Ее там ничего уже не держало, и все же, там остался младший брат, за которого она переживала и чувствовала хоть какую-то ответственность. Но Яшви понимала, что, скажи она это принцу вслух, он не одобрит идею ехать в Риван, учитывая ее прошлую поездку, из которой она вернулась с разбитым лицом. Разве

что она поедет не одна, но пока Яшви не чувствовала, что доверяет кому либо из клана Кобр.

- Иногда мне кажется, что моя судьба не зависит от меня. Что все это кем-то уже предопределено, и все будет идти так, как...как *должно* сложиться, и никакие мои действия на это не повлияют. Я знаю, что наставник Радж говорил про красную нить. Майя Тхакур говорила то же самое. Я сопротивлялась, я не хотела, чтобы за меня решал...кто-то, небеса, боги, духи. Я хотела решать сама. Поэтому я уехала с Лисами. Я думала, что я справлюсь, но эти чувства оказались сильнее. Мы совсем не управляем нашими судьбами.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн считал, что они были вместе вопреки тому, что планировал его клан. И что это было его решение идти наперекор воле его Величества. При этом он думал, что Яшви не против такого развития событий, ведь он спрашивал ее согласие до того, как говорил с Их-Чэрэном и Хубилай хааном.

- Судьба складывается из вероятностей, - сказал Сонгцэн. - Моей судьбой могла быть смерть в бою с Мацуи. Твоей - смерть в бою с Шакалами. Мы вместе, потому что не позволили этому случиться.

Радж видел эти вероятности, именно поэтому он отдал Яшви свой лук. Но именно она успела и сделала точный выстрел. Сонгцэн считал, что его странный сон, в котором была женщина-львица, был очень связан с тем, что Яшви выжила после ранения. Им помогали, но он не считал это несвободой. Он был благодарен судьбе, которая позволила ему быть с Яшви и дожить до этого дня.

Яшви Садхир

- Ты думаешь, все эти люди должны были умереть, чтобы все сложилось так, как сейчас? Что все должно было произойти так, как произошло? Разве это не предопределенность? Если бы Майя Тхакур не выбросилась из окна, Сонгцэн, все бы было по-другому. Понимаешь? Не мы решаем.

Это уже давно занимало ее мысли - то, как бы сложилось все, если бы на клан Сурикатов не напали. Она бы видела свадьбу принца и принцессы, уехала в монастырь, но судьба сложилась бы так, что она бы никогда не встретилась с Лисами, и никогда бы не была вместе с принцем. Это одновременно и пугало ее, и возмущало, что вероятности диктуют то, какой должна быть ее жизнь. Они словно протоптанные кем-то дороги, когда нужно выбрать какую-то одну, не зная, что будет в конце. Раньше она сетовала на то, что не знает, куда идти, но мертвая лиса на балконе, смерть отца, ученика клана и наложницы дали ей понять, что не обязательно искать эту дорогу, и можно проложить ее самой.

- Я постоянно думаю, что все могло бы сложиться иначе. Что будь Майя жива, мы бы не были вместе, и мне больно от этого. Это глупо, я знаю, но я не могу это объяснить. Мне кажется, что это я живу не своей жизнью, и что мне здесь не место.

Ей хотелось уехать, далеко, и больше никогда не возвращаться сюда.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не знал ответы на эти вопросы. Если бы больше года назад ему предложили выбрать самому, готов ли он к тому, чтобы быть с Яшви ценой жизни Майи Тхакур, он бы разумеется отказался от этой цены. И никакие легенды о красной нити судьбы не были бы для него значимым аргументом. Не потому, что он любил Майю больше, чем Яшви. Это были совершенно другие чувства. Сейчас он понимал, что пусть и был до одури влюблён в Майю, он ее не знал. И уж точно не был привязан к ней так, как к Яшви, в которой он видел самого близкого и родного человека. Просто это были обстоятельства, которые зависели не от него.

- Если бы Майя была жива, я был бы женат на ней, - сказал Сонгцэн. - И даже если бы понял, что чувствую к тебе больше, чем дружескую привязанность, никогда и никому не дал бы повода это понять.

Он был в этом уверен, потому что всегда знал, что брак для него - это отношения, в которых в тебе должны быть уверены. И тот, кто способен предать женщину, которой клялся в верности, столь же легко предаст свой клан и своих товарищей.

- Но ты живёшь своей жизнью и находишься на своём месте, - сказал Сонгцэн. - Просто вероятности и наши поступки привели к тому, что все сложилось именно так.

Яшви Садхир

Яшви ожидала этого ответа, и все равно он резанул по животу, словно острым кинжалом. Она промолчала, стараясь справиться с этой болью внутри. Глупо, все это было так глупо, ворошить прошлое и ревновать к нему, когда сейчас все было по-другому. Почему тогда у нее было чувство, что ее действия каким-то образом запустили цепь событий, которые привели к гибели Майи? Потому что предначертанному *нужно* было, чтобы они с принцем были вместе, и оно подводило к тому, чтобы убрать с их пути все препятствия? И Майя оказалась на этом пути, сама того не подозревая и не ведая, или Яшви брала на себя слишком многое, думая, что каким-то образом она может влиять на судьбы своими крохотными поступками или наоборот их отсутствием?

Она не понимала, что хочет доказать Сонгцэну, и что он в ответ пытается доказать ей. Словно они говорят из двух разных миров на двух разных языках. Наверное, это было от того, что она не могла внятно объяснить, что с ней творится и миллион каких именно мыслей крутятся в ее голове. К тому же от всего этого у нее начали ныть затылок и виски, а затем боль поползла по всей голове - от нервов, переживаний и страха, что она испытала за одно утро. Она прикрыла глаза.

- Я не очень хорошо себя чувствую, вероятно, от этого не могу внятно объяснить то, что хочу сказать, - наконец произнесла Яшви. - Мне лучше вернуться к себе.

Пусть это было позорное бегство, эту слабость она могла себе позволить сейчас.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн посмотрел на Яшви. Он почувствовал, что его ответ ее задел, но считал, что в этой ситуации должен был сказать правду, к тому же не считал, что в чём-то

поступил не по совести сейчас, или в рассказе о том, как бы повёл себя в гипотетической ситуации, если бы Майя была жива. Та линия судьбы уже закончилась погребальным костром. Сонгцэн не собирался ее забывать. И не считал, что должен сравнивать Яшви с Майей.

- Останься, - сказал он.

Он не хотел, чтобы этот разговор так закончился. Потому что они друг друга не услышали, а Яшви стало только хуже.

- Я попробую объяснить, что вижу я сам, - сказал Сонгцэн. - Есть события, которые происходят по своим причинам. Но имеют отношение к нам. Но это не значит, что они происходят из-за нас. Например, если твоя мать умерла во время родов, она умерла из-за того, что постоянные роды, голод и нищета отняли у неё все силы. А не из-за того, что ты якобы бокши и затаила на неё обиду. Если смерть Майи позволила нам быть вместе, это не потому, что наша судьба сломала ее жизнь, в потому что Мацуи по воле Асаки напал на Сурикатов. Но зато я выжил, потому что ты пустила в Мацуи эту стрелу, а не потому что такой была моя судьба.

Яшви Садхир

Яшви уже поднялась, чтобы уйти, но остановилась, хотя в голосе Сонгцэна она услышала больше не просящие, а приказные нотки, что, скорее всего, ей просто показалось, потому что боль в голове не давала ей здраво оценивать происходящее. Она не стала пока садиться обратно, чтобы опровергнуть или подтвердить свои подозрения.

- Я не понимаю, - в отчаянии сказала Яшви. - Зачем тогда все эти разговоры про красную нить, которая связывает судьбы? Разве это не значит, что все, что предопределено, обязательно случится, несмотря на наши решения, какими бы они ни были? Что если бы не я, Мацуи оступился на грязи, сломал себе шею, напоролся на собственный меч, его бы убило молнией, в конце концов. И когда я стреляла, меня направляли духи, если бы не они, я бы осталась сидеть в чайной. Значит, это тоже было частью судьбы, правильно?

Она вела не к тому, что будь ее воля, она бы поступила как-то по-другому, но ей нужно было понять, как работают причины и следствия тех или иных поступков, и как все это соотносится с тем, что случается вокруг. Как известно, взмах крыла бабочки на одном континенте может вызвать землетрясение на другом. Вдруг она тоже такая вот бабочка, и какой-то ее поступок стал причиной чего-то более глобального. Что когда принц выкупил ее на рынке, это запустило какой-то механизм, который в итоге привел к гибели Майи, к гибели ее родителей, брата и еще очень многих людей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн считал, что сейчас сложно говорить на философские темы. И он понял, почему мать после боя обычно молчала. Но он считал, что неправильно прекращать разговор, когда он сам попросил Яшви остаться.

- Красная нить - вопрос веры, как силы, что охраняют Линь Ян Шо, - сказал Сонгцэн.
- Приятно верить, что судьба знает, что делает. Но я все равно убил тех японцев.

Он считал, что слова мастера Раджа о красной нити были о тех же вероятностях. Потому что помимо вероятности, что он будет с Яшви, в тот момент была вероятность, что он погибнет от руки Мацуи. И, говоря о красной нити, мастер Радж отдал Яшви свой лук.

- Я считаю, что красная нить означает вероятность, что мы можем быть вместе и счастливы, - продолжил Сонгцэн. - Но не то, что это произойдёт в любом случае. Для того, чтобы это стало возможным, мы должны друг друга слушать и понимать. И учиться этому всю жизнь. Свадьба - это всего лишь церемония. А после неё у нас вместе целая жизнь. Я не знаю, какие вероятности готовит судьба. Но я буду делать то, что зависит от меня, чтобы тебе со мной было хорошо. Не надеясь, что красная нить разберётся сама.

Яшви Садхир

Признаться, Яшви была и разочарована и обрадована одновременно. Потому что никаких высших сил не существовало и...потому что никаких высших сил не существовало. В одном случае ей было приятно понимать, что никто не руководит ее жизнью и нет ничего такого, чему она во чтобы то ни стало должна соответствовать, потому что это как-то задумано более могущественными началами. В другом было немного не по себе по той же самой причине, что все случившееся - отголосок когда-то принятых ею - или кем-то другим - решений.

Она опустилась обратно на подушки, несмотря на то, что головная боль не проходила, и она правда чувствовала себя не очень хорошо, и правильнее было бы вернуться в свои покои, оставив этот сложный разговор на более позднее время. Ей было трудно все это осознать сейчас, потому что она привыкла к тому, что есть либо черное, либо белое, и нельзя быть между ними посередине. А сейчас выходило, что это совсем не так.

- Я такая глупая, - раздосадованно сказала она, сжав ноющие виски ладонями, а затем снова закрыв руками лицо, чтобы зажмуриться. - Мне так сложно понять вещи, подобные этим.

Она пыталась разобраться, но получалось плохо, как будто она была ребенком, от которого требуют чего-то, чего он еще не умеет и в силу возраста не способен понять.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн только сейчас догадался взглянуть на ауру Яшви и увидел всполохи боли в ее голове, особенно висках. Он сел на колени за спиной девушки, провёл рукой по ее волосам, затем стал массировать кончиками пальцев ее голову. Он стал вытягивать ша-ци, чтобы снять боль и спазм, которые заставили Яшви обхватить голову руками. Стоило подумать об этом сразу, когда девушка сказала, что плохо себя чувствует.

- Дыши глубже, сейчас пройдет, - сказал Сонгцэн.

Он стряхнул с рук ша-ци и продолжил разминать точки под волосами Яшви.

- Ты не глупая, ты просто задаёшь трудные вопросы, на которые многие делают вид, что знают ответы. Или не думают о них вовсе, - сказал Сонгцэн. - А ещё сегодня очень тяжелый день.

Он вспомнил, что все ещё не переоделся из военной формы и не смыл с себя кровь и копоть этого утра. День ещё не думал клониться к закату, а усталость от него уже напоминала свинцовую тяжесть.

Яшви Садхир

Она поняла, что Сонгцэн сел позади нее, и сначала хотела запротестовать, что не нужно с ней возиться, как с ребенком, потому что это всего лишь головная боль от перенапряжения, но прикосновения к волосам, а затем и стихающая боль заставили ее передумать и просто замереть на месте, чтобы движения не провоцировали новые всполохи боли. С тех пор, как принц выкупил ее на рынке в Риване, он только и делал, что постоянно ее лечил. Яшви редко болела, но за этот год случилось слишком много всего, что требовало его особенного магического умения. Все эти царапины, ушибы, переломы и раны от зазубренных наконечников от стрел, растянутые мышцы и головная боль - скоро у него сложится впечатление, что она разваливается на ровном месте.

- Спасибо, - сказала она, когда боль утихла, но прикосновения пальцев Сонгцэна были слишком приятны, чтобы она просила его остановиться. Она слегка обернулась, чтобы посмотреть на него. - Ты побудешь со мной, если у тебя нет никаких дел? Я немного боюсь оставаться одна.

Сейчас, когда стража была поднята на уши, и весь дворец шепотом наверняка обсуждал убийство ученика и Калы, с ней вряд ли сможет что-то случиться, но, понимая это разумом, Яшви не могла принять это внутри себя, и иррациональное опасение требовало от нее находиться в чьей-то компании.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви стала понемногу успокаиваться, а следы боли из ее ауры исчезали. Сонгцэн ещё некоторое время массировал ее голову, затем стал гладить шею и плечи Яшви, чтобы прогнать оставшееся напряжение. Сейчас он хотел, чтобы она смогла отдохнуть.

- Побуду, - сказал Сонгцэн. - Давай пообедаем и будем отдыхать? Не будем никуда выходить до вечера.

Ему было плевать, что на это будут говорить во дворце. Свадьба будет только завтра, а тяжёлый день, когда Яшви страшно оставаться одной, был сегодня. Да и вряд ли при всей этой шумихе с расследованием смерти Калы и ученика факт, что принц с его невестой снова надолго уединились, вызовет много любопытства.

- Ты не против, если я пошлю за едой? - спросил Сонгцэн.

Утром он поехал в Риван, как только собрался, и до сих пор даже не завтракал при том, что потратил много сил. Он надеялся, что остаток дня будет спокойным, и удастся отдохнуть перед началом трёхдневной свадьбы. И что Яшви сможет

немного прийти в себя.

Яшви Садхир

Предложение принца ей очень понравилось, и она согласно кивнула, тем более, что у нее не было никаких сил еще куда - то сегодня идти. Она не думала соблюдать траур, что никто во дворце, кроме их Высочеств, наставника Ражда и еще нескольких человек не знал о том, что Яшви была как-то связана с деревней, откуда, к тому же, принц привез ее младшего брата. Но несоблюдение показательного траура вовсе не значило, что она спокойно и даже равнодушно восприняла новость о смерти отца и брата.

Она чувствовала себя немножко отупевшей и совсем разбитой. Если Кала хотела добиться того, чтобы Яшви было плохо, она определенно этого добилась. Радовало только то, что наложница уже об этом никогда не узнает и у нее не будет возможности позлорадствовать над этим. В отличие от Яшви, которая все еще могла сходить и попинать труп, чтобы отвести душу, но, конечно, она так никогда не сделает.

- Я не так давно завтракала с Бо-джи, но хочу каких-нибудь сладостей, - сказала Яшви, поразмыслив, что ей нужно что-то, чтобы отвлечься. Было неправильно использовать для этого еду, но сегодня ей было не до этого. Сегодня ей просто хотелось делать все, что заставляло ее почувствовать себя хоть немного лучше и счастливее, а сладости определённо входили в число этих вещей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо, я скажу, чтобы принесли фрукты и сладости, - сказал Сонгцэн.

Аша Прия этому только обрадуется, потому что большую часть блюд к свадьбе готовили с ночи, и к завтрашней церемонии почти все будут готовить заново. И обед принесут быстро. Как и что-то более сытное, на что рассчитывал Сонгцэн. Он обнял Яшви, коснулся губами макушки ее головы, а после этого пошёл в коридор, чтобы дать указания служанке насчёт обеда.

У Сонгцэна было ощущение, что все беды и неприятности на ближайшие дни закончились. Что завтра свадьба все-таки состоится, и Яшви станет его женой. Если бы он чуть больше верил в суеверия, сегодня ему стоило отказаться от идеи когда-либо связать себя узами официального брака. Потому что уже трижды свадьбы срывались в связи с крайне неприятными обстоятельствами. Во дворце на этот счёт уже шептались. Например, что душа Майи Тхакур не может опустить принца Кобр. Но Сонгцэн в это не верил, он старался не искать закономерностей там, где их не было.
